

Лорен Оливер

РЕЦИКА

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-54

Lauren Oliver

REPLICA

Copyright © 2016 by Lauren Oliver

Художественное оформление *Марии Коняевой*

Оливер, Лорен.

О-54 Реплика / Лорен Оливер ; [пер. с англ. О. М. Степашкиной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-098764-1

Две девушки. Болезненный подросток и сбежавшая реплика. Два взгляда на один сюжет.

В стенах института Хэвена, возле берегов Флориды, процветает подпольная фабрика по производству реплик. Что будет, если кто-то из них вырвется на свободу, к мечте?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© О. Степашкина, перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-098764-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

Хотя во многих случаях, с точки зрения Джеммы и Лиры, их разговоры будут выглядеть одинаково, вы можете обнаружить некоторые отличия в интонациях и темпе. Это сделано намеренно, чтобы отразить разницу в восприятии персонажей. Джемма и Лира абсолютно уникальны, а из их общения и прочих коммуникативных актов складывается неповторимый личный опыт каждой, что и создает вышеупомянутые отличия: так наблюдение за объектом мгновенно изменяет его собственное поведение.

Кроме того, незначительные различия в повести отражают точку зрения, согласно которой объективного опыта не существует. Каждый воспринимает все сугубо индивидуально: это может засвидетельствовать всякий, кому доводилось спорить с любимым человеком. И потому мы сами создаем свой жизненный опыт. Похоже, что истина во многом подобна вымыслу.

Глава 1

По ночам, когда очень тихо, мы слышим, как они скандируют, требуя нашей смерти. Мы можем видеть их или, по крайней мере, способны различить ореол света над берегом Бэрел-Ки, где они, должно быть, частенько собираются. Они глазают на черную воду, которая плещется возле забора, и смотрят на угловатый белый фасад института Хэвен. Издалека это место, наверное, смахивает на длинную зеленую челюсть с мелкими острыми зубами.

Чудовища — так они нас называют. Демоны.

Иногда бессонными ночами мы думаем: а если они правы?

Лира проснулась с ощущением, будто кто-то сидит у нее на груди. Лишь потом Лира осознала, что ее донимает вязкая и удушающая жара, которая буквально придавила ее к кровати своей невидимой рукой.

Электричества не было.

Что-то случилось. Кричали люди. Хлопали двери. В коридорах гулко разносились шаги. В окно Лира увидела, как по двору мечутся лучи фонариков: они выхва-

тывали из темноты серебристые капли дождя и озаряли безжизненно белую статую человека, тянущегося к земле словно в попытке что-то вырвать из почвы прямо с корнем. Остальные реплики тоже загомонили. В спальне зазвучали хриплые спросонья голоса. Ночью легче разговаривать — меньше шикающих медсестер.

— Что стряслось?

— Что такое?

— Тихо! — рявкнула Кассиопея. — Я слушаю.

Дверь из коридора распахнулась с такой силой, что врезалась в стену. Лиру ослепила вспышка света.

— Все здесь? — спросил вроде бы доктор Запах Кофе.

— Кажется, да! — пронзительно и испуганно ответила медсестра Даже-и-не-думай.

Ее лица не было видно из-за фонарика. Лира разглядела только длинный подол ночной рубашки и босые ноги.

— Пересчитайте!

— Мы тут, — заявила Кассиопея. Кто-то ахнул. Но Кассиопея никогда не боялась разговаривать. — Что происходит?

— Вероятно, кто-то из самцов, — произнес доктор Запах Кофе. Лира сообразила, что он обратился к медсестре Даже-и-не-думай, которую на самом деле звали Максин. — Кто проверяет самцов?

— Что происходит? — повторила Кассиопея.

Лира поймала себя на том, что трогает подоконник, подушку, переднюю спинку кровати с ее личным номером.

Она — номер Двадцать Четыре.

Это ее вещи. Ее мир.

И внезапно до реплик долетел ответ: пронзительные повторяющиеся вопли.

— Черный код! Черный код! Черный код!

В тот же самый миг заработал запасной генератор. Включилось электричество, а затем и охранный сигнал. Взволи сирены.

Все зажмурились от яркого света.

Но Лира каким-то чудом успела увидеть, что медсестра Даже-и-не-думай вскинула руку и попятилась.

— Оставайтесь на месте, — велел доктор Запах Кофе.

Лира не поняла, кому он отдал приказ — медсестре Даже-и-не-думай или репликам. Так или иначе, выбор невелик. Доктор Запах Кофе принялся возиться с кодовым замком и в конце концов выбрался в коридор. Медсестра Даже-и-не-думай стояла, прижавшись спиной к закрытой двери. Ее била крупная дрожь. Наверное, она решила, что в любое мгновение девушки могут кинуться на нее и растерзать. Ее фонарик, померкший в свете ламп, отбрасывал молочно-белый круг на керамические плитки пола.

— Неблагодарный, — буркнула она и тоже убралась восвояси.

Но девушки могли видеть ее через окна, выходящие в коридор: медсестра расхаживала взад и вперед, время от времени трогая нательный крестик.

— Что такое «черный код»? — спросила Роза, подтянув колени к груди.

Они уже подзабыли свои «звездные» имена, поскольку доктор О’Доннел — единственный сотрудник, которого Лира не наградила прозвищем, — давно покинула Хэвен. Зато теперь реплики выбирали себе другие имена среди известных им словечек — те, что показались им красивыми или интересными. Так появились Роза, Пальмолив и Приват, Сиреневый Родник, Прилив и даже Вилка.

Как обычно, ответ знала Кассиопея — самая старшая из них, если не считать Лиру.

— Черный код означает прорыв системы безопасности, — объяснила она. — Думаю, кто-то сбежал.

Глава 2

Че-ло-век. Самое первое слово, которое узнала Лира, звучало именно так.

Люди были двух видов. На вершине стояли естественнорожденные — женщины и мужчины, девушки и парни, как врачи и персонал, ученые, охранники и сотрудники спецслужб (последние иногда инспектировали Еловый остров и его обитателей).

А на нижней ступени струдились модели человека. К ним относились самцы и самки. Сперва их создавали в лабораториях, а потом переносили в утробы суррогатных, которые обитали в бараках и не знали английского. Порой реплик называли клонами. Лира понимала, что «клон» — нечто плохое, оскорбительное, хоть она и не знала, почему.

В общем, в Хэвене их окрестили репликами.

Так или иначе, но второе слово, которое выучила Лира, было несложным.

— М-о-д-е-л-ь. — Лира проговорила его по буквам, легонько выдыхая сквозь зубы, как учила доктор О’Доннел.

— М-о-д-е-л-ь, — опять прошелестела Лира. — Номер двадцать четыре, — добавила она после паузы.

Возможно, так начинался отчет, посвященный ей, Лире.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — осведомилась медсестра Свинопас.

Лира дала ей прозвище месяц назад. Она и не представляла, что такое свинопас, но слышала, как медсестра Рейчел ворчала: «Иногда я предпочла бы работать свинопасом».

Лире пришлось по душе это выражение.

— Суматошная выдалась ночь, верно? — Как обычно, медсестра не ждала ответа и заставила Лиру лечь на диагностический стол, а оттуда уже нельзя было рассмотреть папку с бумагами.

Ли́ра ощутила вспышку гнева, как внезапный взрыв в мозгу. Не то чтобы отчет был ей интересен. Она не имела особого желания узнать про себя дополнительную информацию, выяснить, почему она больна и можно ли ее вылечить. Она понимала — правда, в общих чертах, из намеков или подслушанных разговоров, — что в процессе до сих пор бывают сбои. Реплики рождались генетически идентичными исходному биоматериалу, но вскоре начинались разнообразные медицинские проблемы: органы не функционировали должным образом, клетки тканей не регенерировали, легкие схлопывались. Становясь старше, реплики переставали владеть собой, забывали свой родной язык, вечно плакали и легко впадали в замешательство. Некоторые даже прекращали благополучно развиваться. Они оставались щуплыми и низкорослыми. Они разбивали головы об пол, а когда приходили Агенты, истерично просили, чтобы их забрали. Хорошо хоть, Бог несколько лет назад распорядился, чтобы новейшие генерационные культуры держали их на руках и возились с ними не менее двух часов в сутки. Было высказано предположение, что контакт с людьми или с себе подобными позволяет им дольше оставаться здоровыми. Ли́ра и другие реплики постарше поочередно возились с ними, щекотали их толстые ножки и пытались рассмешить.

Ли́ра полюбила чтение в тот краткий восхитительный период, когда в Хэвене работала доктор О’Доннел. Ли́ра считала эти месяцы лучшими в своей жизни. Когда Ли́ра читала, в ее голове буквально распахивались окошки, и через них проникал свет, свежий воздух и видения иных мест, иных жизней, просто иных, и точка. В Хэвене имелись лишь научные монографии, методические брошюры и анатомические атласы, они оказались чересчур трудными и пестрели терминами, которые Ли́ра не могла выговорить вслух. Но она читала медицинские карточки,

когда их оставляли без присмотра. И журналы, которые медсестры бросали в комнате отдыха.

Продолжая болтать, медсестра Свинопас измерила Лире давление и сунула девушке под язык электронный термометр. Лира хорошо относилась к тонометру и термометру. Ей нравилось, как манжета тонометра сжимается на ее плече, подобно руке, ведущей ее куда-то вперед. Ее успокаивало пиканье термометра и умиротворяло, когда медсестра Свинопас говорила: «Совершенно нормально».

Медсестра добавила:

— Не возьму в толк, о чем оно думало, когда убежало. Глубокий вдох. Хорошо. Теперь выдохни. Оно ведь утонет, как только сунется в воду! Ты слышала, какой вчера ночью был прибой? Как гром! Удивительно, что тело еще не выбросило обратно!

Лира сообразила, что от нее опять не ждут ответа. Однажды она ответила на бодрый вопрос медсестры Свинопас: «Как мы себя чувствуем?». Женщина испугалась, выронила шприц — Лира ненавидела иглы и не желала давать им имена, — и пришлось начинать процедуру заново. Но она задумалась: а каково это — наткнуться на берегу на мертвое тело? Лира не боялась трупов. Она сотни раз видела, как реплики болели и умирали.

Например, Желтые умерли почти одновременно — все они были младше года.

«Случайность», — заявили врачи. Лихорадка.

Лира наблюдала за тем, как их тела заворачивали и готовили к отправке.

Одна Фиолетовая из седьмой культуры — кажется, номер Триста Тридцать Три — перестала есть. Когда ее начали кормить через зонд, было уже поздно. А номер Пятьсот Один проглотила упаковку снотворного после того, как исчезла медсестра Эм, которая всегда помогала

ей брить голову и аккуратно обращалась со станком. Номер Четыреста Двадцать Один умерла неожиданно, во сне. Именно Лира тогда тронула ее за руку, чтобы разбудить, и поняла, по странному пластиковому холоду ее ладони, что та мертва. Странно, что жизнь в одно мгновение улетучивается, уходит, оставляя только кожу да кости, грудку плоти.

Но ведь они и являются телами. Людьями и одновременно не людьями. Лира гадала, почему так сложилось. Выглядела она, по ее мнению, как нормальный человек. И другие реплики-самки — тоже. Их ведь сделали из стандартных людей и даже родили от них же.

Однако именно такой способ создания и превратил их в меченых.

Так твердили все до единого. Кроме доктора О’Доннел.

Лира была совсем не против присмотреться к самцам, но их держали отдельно от самок — даже мертвых, когда заворачивали их трупы в брезент и увозили с острова. Самцы вызывали у Леры любопытство. Она изучала их анатомию в медицинских пособиях, пытаясь хоть в чем-то разобраться, и пристально разглядывала изображения женских и мужских репродуктивных органов, которые, похоже, обозначали важнейшее различие между ними, но даже не представляла, как в реальности выглядят самцы. Единственными мужчинами, которых она видела, были врачи, медбратья, охранники и прочие работники Хэвена.

— Отлично. Почти готово. Теперь иди сюда и встань на весы.

Лира приподнялась и слезла со стола в надежде еще разок взглянуть на карточку с ее чудесными, стройными надписями, марширующими по бумаге, как солдаты. Но медсестра Свинопас цапнула папку-планшет и принялась записывать свежие данные Леры. Не выпуская планшет, она одной рукой умело отрегулировала весы и подождала, пока стрелка перестанет дрожать.

— Хм. — Медсестра нахмурилась, и ее морщинки между бровями стали глубже и сошлись воедино.

Когда Лира была еще совсем маленькой, она заявила, что поняла, в чем разница между людьми и репликами. Люди старые, а реплики молодые. Медсестра, которая тогда купала ее — она проработала здесь недолго, и Лира давно забыла ее имя, — расхохоталась. Эта история молниеносно разлетелась среди медперсонала и врачей.

— Ты теряешь вес, — проворчала медсестра Свинопас и поцокала языком. — Как у тебя с аппетитом?

Лишь через пару секунд Лира сообразила, что на вопрос медсестры Свинопас ей полагается ответить.

— Хорошо.

— Тошноты нет? Колик? Рвоты?

Лира покачала головой.

— Проблем со зрением? Помутнений сознания?

Лира продолжала мотать головой, поскольку врать она не очень-то и умела. Две недели назад ее рвало так, что весь следующий день ныли ребра. Вчера ее стошнило в наволочку — Лира надеялась, что ткань поможет заглушить звуки. К счастью, ей удалось тайком присовокупить наволочку к мусору, который вывозили на катерах по воскресеньям (отходы сжигали, а может, выбрасывали в море или еще как-то от них избавлялись). Учитывая шторм, упущение охраны и теперь-вероятно-мертвого самца, Лира была уверена, что никто не заметит пропажу.

Но самым худшим стало другое! Не далее как вчера она заблудилась на пути к спальням. Что за нелепость! Лира выучила наизусть каждый дюйм крыла D — от палаты ухода за новорожденными и до палаты невралгических обследований, от огромных спален на сто самок-реплик и до уборных с десятками прикрепленных к стенам душевых шлангов, раковины вроде корыта и десятую туалетными кабинками. Но она, вероятно, повернула направо,

а не налево, когда вышла из уборной, и в результате очутилась перед запертой дверью, ведущей в крыло С.

Лира растерянно тарасилась на створку, пока ее не окликнул охранник — и лишь тогда она вернулась в реальность.

Но сейчас она помалкивала. Лира не хотела попасть в Коробку. Так называли крыло G. Кстати, к этому крылу прикрепились и другое название: Похоронное Бюро: ведь, как ни крути, а половина вошедших туда реплик никогда не возвращались обратно.

— Ладно, ступай, — вымолвила медсестра Свинопас. — Если почувствуешь себя неважно, скажешь мне, ладно?

Лира поняла, что на сей раз от нее точно не ждут ответа. Значит, не придется никому говорить, что рвота продолжается. Да, в принципе, и незачем — ведь на потолке установлены Стеклянные Глаза. Лира толком не знала, нравятся ей Стеклянные Глаза или нет. Иногда нравились, когда скандирование с Бэрел-Ки делалось особенно громким, и Лира думала, что камеры помогают держать ее в безопасности. Иногда же, когда ей хотелось скрыть плохое самочувствие, Лира ненавидела дремлющие линзы, фиксирующие каждое ее движение. В том и заключалась проблема: никогда не угадаешь, в какую сторону пялятся Стеклянные Глаза.

Но она покорно кивнула. У Лиры был план, и ей следовало прикинуться паинькой. По крайней мере, еще на некоторое время.

Глава 3

Три дня спустя тело самца номер Семьдесят Два так и не выбросило на берег, невзирая на предсказания медперсонала. На следующее утро после мусорного дня за завтраком Лира подслушала болтовню медсестер.

Даже-и-не-думай покачала головой и заявила, что до него, мол, добрались аллигаторы, она в этом ни капельки не сомневается. А если самец и доплыл до материка, добавила она, его, конечно, застрелили без предупреждения — там же на много миль вокруг одни психи и преступники.

— И теперь сюда едут эти люди, — проворчала она и поджала губы.

Все медсестры называли Агентов «эти люди».

Лира видела их судно в отдалении, когда брела на завтрак: стройная моторизированная шхуна ничем не напоминала потрепанную баржу, которая доставляла на остров припасы, вывозила отходы и выглядела так, словно чайная ложка воды ее утопит. Лира не знала, кто такие Агенты, чем они занимаются и почему приезжают в Хэвен. За прошедшие годы ей пару-тройку раз довелось что-то слышать о военных, но Агенты, естественно, не ходили на солдат. Во всяком случае, на тех, кого она иногда видела по телевизору медсестер. Они не носили ни одинаковую форменную одежду, ни камуфляж. И оружия у них не имелось, как, к примеру, у охранников.

Когда Лира была помладше, Агенты заставляли ее нервничать, особенно когда реплик заставляли выстроиться для проверки. Агенты открывали ей рот, чтобы посмотреть на зубы. Они просили ее улыбнуться, повернуться вокруг своей оси или хлопнуть в ладоши по команде. Наверное, они изучали физическое состояние каждой реплики.

И Лире приходилось показывать и доказывать, что она не идиотка — она же благополучно развивается, способна пошевелить пальцами и даже может водить глазами слева направо.

Впрочем, проверки давным-давно прекратились. Теперь Агенты приезжали, проносились по всем крыльям,

от административного до Коробки, общались с Богом, а потом возвращались на материк на своем судне.

Однажды Лира обнаружила, что они практически не вызывают у нее интереса. Они принадлежали к другому миру. С таким же успехом это могли быть мухи, которые садятся на стену и сразу улетают прочь. Они не имели для Лире никакого значения, в отличие от электронного термометра, ее кровати, подоконника и смыслов, скрытых в иероглифах слов.

А сегодня ей было наплевать и на Агентов, и на загадочное исчезновение номера Семьдесят Два. После мусорного дня начинался понедельник, что означало тестирование мозгов, выговор от Ленивой Кормы и ее, Лире, последний шанс на этой неделе.

Лира не помнила, когда у нее впервые зародилась идея тайком пробраться в административное крыло. Вероятно, все было как-то связано с доктором О'Доннел. Доктор О'Доннел приехала в Хэвен шесть или семь лет назад, это случилось еще до того, как у Лире начались месячные. («Надо же, менструация», — пробурчала Даже-и-не-думай и в редком приливе великодушия продемонстрировала Лире, как отстирывать белье в холодной воде. «Кровотечение — ты будто об огнестрельном ранении говоришь», — бормотала она в тот момент.)

Доктор О'Доннел оказалась самой красивой в Хэвене — если не считать Кассиопеи и номеров с Седьмого по Десятый, четырех реплик одного генотипа, полностью идентичных физически.

Странно, но доктор О'Доннел, похоже, не испытывала неприязни к репликам: а ведь этим славились и врачи, и медсестры! Она заходила в спальни даже не в свое дежурство и задавала им вопросы. Она стала первой, кто за всю жизнь Лире задал ей настоящий вопрос, а не какой-

то очередной из разряда «здесь болит?» или «как у тебя с аппетитом?».

Доктор О’Доннел действительно ждала ответа и охотно смеялась, особенно над тем, во что верили реплики — вроде того, что мир размером примерно с пять-шесть Хэвенов или что у естественнорожденных людей отцы ни для чего не нужны.

Она учила их играть в ладунки и пела им высоким, чистым голосом.

Доктор О’Доннел была потрясена, обнаружив, что в Хэвене нет библиотеки — только медицинские учебники, которые держали в комнате странной формы, невесть для чего устроенной (иногда их использовали в качестве справочников). Еще в Хэвене была Библия, которую Даже-и-не-думай повсюду таскала с собой и периодически била ею тех, кто не слушался ее или был чересчур скудоумен, чтобы выполнять ее указания.

Время от времени доктор О’Доннел покидала остров, зато возвращалась она всегда с новыми книжками в сумке. Воскресными вечерами она приходила в спальню и читала им вслух. Сперва это были простенькие издания с картинками. Потом — книги потолще, с мелким шрифтом. Они так и кишели буквами, и у Лиры от взгляда на страницы начинала кружиться голова.

Несколько десятков реплик собирались вокруг доктора, чтобы послушать эти истории: после отбоя они шепотом пересказывали их другим, зачастую что-то додумывая или смешивая детали. Джек и Бобовый стебель, доросший до страны Оз. Лев, Колдунья и дружелюбный великан. Это было столь огромным контрастом со скукой, с малостью их мирка! Пять крыльев, ну шесть, считая Коробку. Почти все двери заперты. Хэвен окружен водой. Половина реплик слишком тупы, чтобы разговари-